

перед божеством, карающим и милующим. В этом особая близость плача начала XVII в. к плачу пророка Иеремии, который также в молитве и слезах видел спасение «пленного» Иерусалима.

Лирическими отступлениями, выражающими оценку событий и лиц Смутного времени, перебивают рассказ о них и другие авторы, не придающие всему повествованию форму «плача».

6

Своеобразными предшественниками гражданской лирики XVIII в. были в древнерусской литературе панегирические некрологи, которыми летописи и исторические повести иногда заканчивали рассказ о событиях жизни правителя — князя, позднее царя, выражая в этих посмертных «словах» гражданскую скорбь современников, вспоминающих о заслугах умершего перед родиной. Некрологи временами переходили в форму плача народа или автора. Посмертное прославление всегда давало идеализированный образ, в котором соединялись все лучшие, с точки зрения автора, качества правителя и примерного христианина, перечислялись важнейшие «деяния» умершего и гиперболически изображалось народное горе. Княжеские жития и иногда Степенная книга в таких некрологах отходят от «гражданственной» темы и сосредоточивают основное внимание на изображении идеальных качеств и подвигов, диктуемых христианской моралью.

Особая выразительность некоторых посмертных похвал выдающимся деятелям, например Владимиру Мономаху, Андрею Боголюбскому и Александру Невскому, делала их своего рода образцами, по типу которых слагались затем характеристики князей, ничем значительным не отмеченных. Напомню панегирик-некролог Владимиру Мономаху, сохранившийся в Ипатьевской и пространнее в Лаврентьевской летописи, в котором перечислены его главные заслуги перед родиной, отмечена международная слава его княжения и высоко оценены его христианские добродетели: Владимир Мономах «просвети Рускую землю акы солнца луча пушая, его же слух произиде по всем странам. Наипаче же бе страшен поганым. Братолюбец и нищелюбец и добрый страдалец за Рускую землю... плакахуся по святом и добром князи весь народ и вси люди по немь плакахуся яко же дети по отцю или по матери».³³ Несколько иначе, но, по существу, за те же стороны его деятельности славит Владимира Мономаха другая летописная похвала, особенно запомнившаяся и вызвавшая позднее ряд подражаний: «Володимер, сын благоверна отца Всеволода, украшени добрыми нравы, прослувыи в победах, его же имене трепетаху вся страны и по всем землям изиде слух его... потщася божья хранити заповеди... Вся бо зломыслы его вда бог под руце его, поне не взношашеся, ни величашеся... бог покаряше под нозе его вся врагы»³⁴... добро творяше врагом своим, отпускаше я одарены. Милостив же бьяше паче меры... тем и не щадяше имения своего, раздавая требующим».³⁵ Почти без изменения повторяется эта похвала в некрологе Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, где автор добавил лишь то, что, по его мнению, было особой заслугой этого князя: «злая казня, а добросмысленныя милуя, князь бо не туне мечь носит

³³ ПСРЛ, т. II. Ипатьевская летопись. Издание второе. СПб., 1908, столб. 289.

³⁴ В такой религиозной форме выражения не было умаления личных заслуг Мономаха в обороне Русской земли: утверждение особого покровительства ему небесной силы было для того времени высшей похвалой его деятельности.

³⁵ ПСРЛ, т. I. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Издание второе. Л., 1927, столб. 293—295.